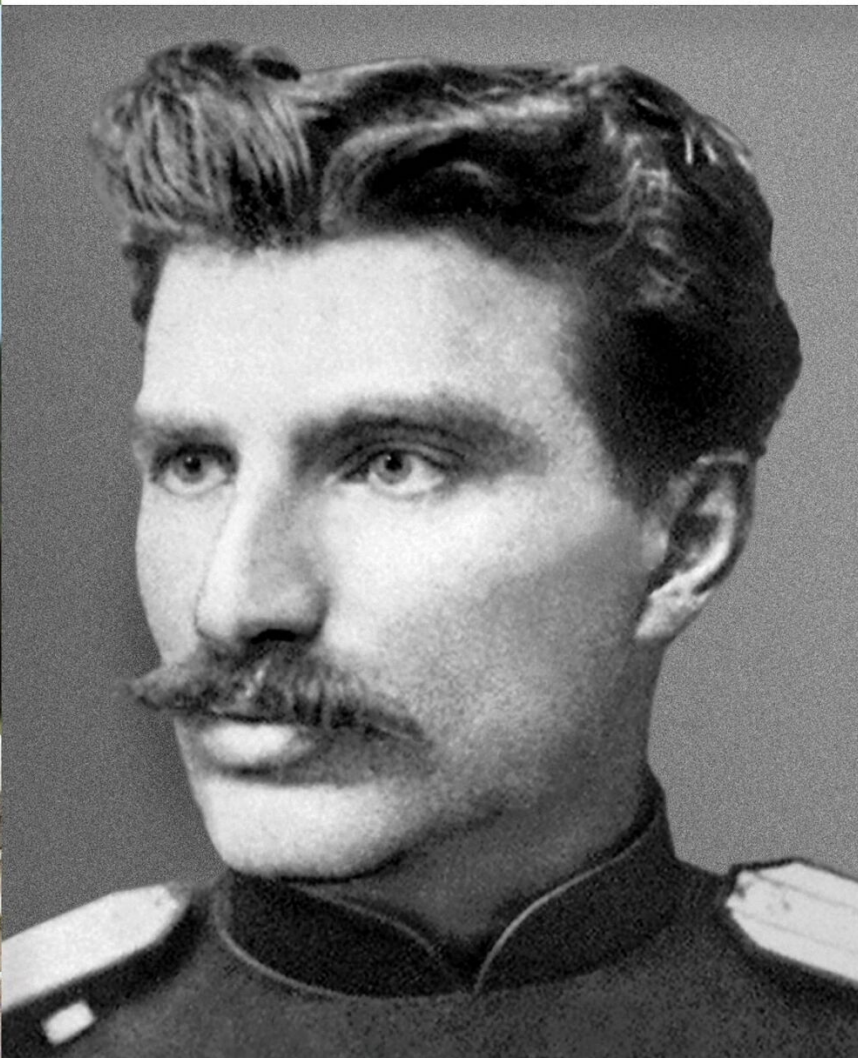

ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Ольга
Тюгодина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Ольга Погодина

Пржевальский

«ВЕБКНИГА»

2023

Погодина О. В.

Пржевальский / О. В. Погодина — «ВЕБКНИГА»,
2023 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04793-8

Имя Николая Михайловича Пржевальского (1839–1888) навечно вписано в историю не только русской, но и мировой науки и географических открытий. Однако сегодня мало кто помнит, какие именно открытия совершил этот выдающийся путешественник, а из десятков впервые обнаруженных им видов животных и растений всем известна только лошадь Пржевальского. Книга писателя Ольги Погодиной – подробный и волнующий рассказ о недолгой, но невероятно насыщенной жизни нашего великого соотечественника, наполненной трудами на благо науки и России.

ISBN 978-5-235-04793-8

© Погодина О. В., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Погодина

Пржевальский

*Посвящаю эту книгу моему отцу
Владимиру Константиновичу Погодину*

Предисловие

Великий неизвестный

Мы все о нем слышали. Но за бурными событиями, выпавшими на долю России за последние 150 лет, масштаб личности этого по-настоящему великого человека был незаслуженно забыт. На современных картах больше не найти многие названия, которые он давал озерам и горным хребтам по праву первооткрывателя: озеро Русское и озеро Экспедиции, хребет Московский, гора Кремль и гора Шапка Мономаха. Город, названный его именем в 1889 году указом императора Александра III, снова переименован в Каракол. Овации, которыми его встречали по возвращении из путешествий восторженные почитатели, стихли; императорские почести, которыми он был отмечен, забылись вместе с именами великих князей и княгинь. Но и приглушенного отсвета той далекой славы достаточно, чтобы потомки ощущали гордость за то, что этот человек родился на нашей земле и посвятил жизнь служению России.

В личности знаменитого человека всегда интересен вопрос, что сделало его таким, каким он стал. Характер? Гены? Стечение обстоятельств? Люди ли создают эпоху или эпоха – людей?

Эпоха, в которую жил Николай Пржевальский, была временем расцвета Российской империи. В советское время этот период истории преподносился сквозь призму классовой борьбы, но сейчас, опустив идеологические оценки, мы можем сказать, что это было время бурных перемен, тектонических сдвигов в социальном устройстве. И, без всякого сомнения, время высоких идеалов, вдохновлявших людей так, как мы в нашей современности с трудом можем себе представить.

Цель этой книги – вернуть современникам человека, оказавшего громадное влияние на историю нашей страны. Без Н. М. Пржевальского Россия не была бы той, которую мы знаем.

О нем написано много, ведь он стал всемирно знаменит еще при жизни. Им восхищались, им вдохновлялись, ему подражали. Только отчеты самого Пржевальского о его путешествиях – это пять полноценных, великолепно написанных книг. Первая его биография вышла меньше чем через 2 года после его смерти, всего их насчитывается более десятка только в нашей стране. И это не считая многочисленных отзывов, упоминаний, зарубежных трудов, статей на страницах периодических изданий, научных работ, посвященных самому Пржевальскому непосредственно или основанных на материалах его исследований, ценность которых была осознана в полной мере намного позже. Объем этой книги слишком мал, чтобы рассказать о нашем герое все, что заслуживает внимания.

Поэтому, в отличие от других его биографий, на страницах этой книги я сосредоточилась на том, чтобы читатель максимально услышал подлинный голос самого Пржевальского – и удивился тому, как легко он смог бы перешагнуть разделяющее нас время.

Часть первая Начало пути

Глава первая Юные годы

Россия перед рождением Пржевальского. – Загадка даты рождения. – История рода Пржевальских. – История семьи Елены Каретниковой. – Знакомство и женитьба родителей. – Сын Александра II? – Загадка рождения. – Спартанское детство. – Рождение охотника. – Гимназические годы. – «Воин без страха». – Прощание с домом.

Военная и научная карьера Пржевальского приходится на вторую половину XIX века – пожалуй, самое блестящее время в истории Российской империи.

Европу для России в то время олицетворяла Франция. Именно Франция в лице Наполеона всего за четверть века до рождения нашего героя вторглась в Россию – и была побеждена, побеждена сокрушительно, когда русские полки вступили в Париж, порождая ужас и восторг в сердцах обывателей. В первой половине столетия гордость этой великой победы еще наполняла сердца русского дворянства. Этому способствовало то, что к России с начала века начали активно присоединяться новые земли. После Заграничного похода 1813–1814 годов в состав империи вошла большая часть Польши, по итогам русско-шведской войны (1808–1809) – Финляндия, русско-турецкой войны (1806–1812) – Бессарабия, русско-персидской войны (1804–1813) – часть Азербайджана и Дагестан.

Первая половина XIX века была необычайно богата на подлинно легендарных исторических личностей, ставших образцами сильного человека, патриота и защитника родины. Такими личностями были, например, знаменитые полководцы М. И. Кутузов, П. И. Багратион, М. П. Ермолов, другие герои Отечественной войны. Взлет национального самосознания способствовал необычайному расцвету русской культуры, подарившей нам Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Тургенева, Островского, Глинку, Даргомыжского. В 1818 году выходит «История государства Российского» Н. М. Карамзина, оказавшая огромное влияние на современников. В 1826 году Н. И. Лобачевский создает новую, неевклидову геометрическую систему. Это и время великих первооткрывателей. В 1803–1806 годах. И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский первыми из русских мореплавателей совершили кругосветное путешествие, открыв ряд островов в Тихом океане. А в 1820 году Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев в ходе своего кругосветного путешествия открыли целый неизвестный материк – Антарктиду.

Имена этих великих первооткрывателей, ученых, писателей и полководцев уже вошли в культурную среду и сформировали ее к тому моменту, когда 31 марта (12 апреля по новому стилю) 1839 года родился будущий великий путешественник и естествоиспытатель Николай Михайлович Пржевальский.

Во времена рождения и становления нашего героя стремительно расширяющейся российской империей правил Николай Александрович, император Всероссийский с 1 декабря 1825 по 2 марта 1855 года, царь Польский и великий князь Финляндский, третий сын императора Павла I и Марии Федоровны, родной брат императора Александра I и отец Александра II.

Что характерно, самой часто приводимой его цитатой являются слова: «Где раз поднят русский флаг, там он уже спускаться не должен».

Возможно ли, что первенец семьи Пржевальских был назван в честь императора? В истории семьи по обеим линиям это имя прежде не встречалось. Бесспорно, имя оказывает большую роль в формировании личности. Будучи назван в честь императора, юный Николай мог с детства ощущать идею великого служения и пронести это чувство через свою жизнь.

Приведенная дата рождения Пржевальского является общепринятой и указывается большинством его биографов. Вместе с тем заведующей домом-музеем Н. М. Пржевальского Е. П. Гавриленковой проведено исследование¹, в результате которого найдена запись в церковно-приходской книге, где датой рождения указано 1 апреля. Однако биографы Пржевальского приводят дату 31 марта, поскольку ее неоднократно указывал в своих дневниках сам Пржевальский. Дата эта представляется более достоверной, так как в приходской книге запись могла быть сделана с опозданием, а Пржевальский, как показывают его многочисленные дневники и исследования, был человеком исключительно точным и не мог случайно ошибиться с указанием даты своего рождения. Вероятнее всего, называя эту дату, он основывался на том, что рассказала ему мать или няня Ольга Макарьевна – женщины, которым он безгранично доверял.

В семье его по обеим линиям мужчины несколько поколений несли военную службу. Отец, Михаил Кузьмич Пржевальский (1803–1846), происходил из древнего, но небогатого шляхетского рода, осевшего на Смоленщине. Начало роду Пржевальских положил в середине XVI века казак Корнила Анисимович Паровальский (по некоторым источникам – Паровал). Он поступил на польскую службу, где принял фамилию Пржевальский. 28 ноября 1581 года королем Стефаном Баторием за отличие в боях под Великими Луками казацкий ротмистр Корнила Пржевальский «возведен в дворянское достоинство на вечные времена и жалован гербом». На красном поле герба изображен натянутый лук с направленной вверх стрелой и шлем с тремя страусовыми перьями. В 1589 году именным указом Стефан Баторий жалует новому дворянину «пять служб людей»: в Суражской волости – Шищинку, Юдуневскую и Островскую, в Велижской волости – Пустовскую и Бобовую Луку.

Касательно происхождения основателя рода исследователи расходятся. Первым, кто изложил родословную Н. М. Пржевальского, был его биограф Н. Ф. Дубровин², написавший, что «Пржевальские ведут свой род от запорожского казака Корнилы Анисимовича Паровальского, поступившего в польскую службу и принявшего впоследствии фамилию Пржевальский». Эту версию повторяет большинство его биографов. Однако потомки рода Пржевальских провели собственное расследование. В статье Н. Пржевальского и Л. Пржевальской «Первый дворянин рода»³ утверждается, что Корнила родился в семье витебского мещанина Онисима (Анисима). Витебск до первого раздела Речи Посполитой (1772) входил в ее состав, что делает логичным участие основателя рода в войнах под предводительством Стефана Батория и пожалование ему шляхетского звания.

Связь Пржевальских со Смоленской землей начинается с Казимира Фомича Пржевальского – представителя седьмого колена от родоначальника фамилии. Приняв православие и перекрестившись в Кузьму, он бежал из Полоцкой иезуитской школы, так и не окончив ее. Сначала жил в родовом имении Скуратове Витебской губернии, где женился на Варваре Терентьевне Красовской. Здесь в семье родились двое сыновей – Иероним (1802–1863) и Михаил (1803–1846). Потом Кузьма Фомич служил в городах Старице, Вышнем Волочке, Весьегонске Тверской губернии. В этот период родились сын Алексей (1823) и две дочери – Елена (1827)

¹ Гавриленкова Е. П. Неизвестные страницы биографии Н. М. Пржевальского. Смоленск, 1999.

² Дубровин Н. Ф. Н. М. Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890.

³ http://przevalski-mir.ru/times/works-and-films/detail.php?ELEMENT_ID=289

и Аграфена. В 1824 году он вышел в отставку, работал в канцелярии Тверского дворянского депутатского собрания в чине коллежского регистратора, имел усадьбу в Старицком уезде. На Смоленщину он попал уже в конце жизненного пути, устроившись управляющим у помещика Палибина неподалеку от деревни Кимборово в бывшем Ельнинском уезде.

В роду были сильны воинские традиции. Брат Кузьмы Фомича, Франц Фомич, также служил в русской армии. В послужном списке майора Франца Фомича Пржевальского значится, что он отличился в 1812 году при Тарутине, за что был награжден орденом Анны 4-го класса. Затем он участвовал в боях при Малом Ярославце и Вязьме, был ранен под Дорогобужем, а после излечения вторично ранен в 1813 году при взятии города Калиша.

Михаил Кузьмич Пржевальский, отец великого путешественника, родился в 1803 году. Четырнадцать лет поступил юнкером в бывший 4-й карабинерский полк; в том же году произведен в портупей-юнкера, а через три года (в 17 лет) вышел в отставку. В январе следующего 1821 года снова поступил на службу сначала в Бородинский, затем в Белевский пехотные полки. В 1824 году произведен в прапорщики с переводом в Эстляндский полк. В 1834 году, уже в чине поручика, переведен в Невский морской полк. Участвуя в 1831 году в подавлении Польского восстания, заболел воспалением глаз и болезнью легких. Лечился в клинике при Виленской медико-хирургической академии. Лечение было безуспешным, и оставаться на военной службе стало невозможно. Уволенный 10 мая 1835 года в отставку с пенсией в размере двух третей оклада в чине штабс-капитана, Михаил Кузьмич в возрасте 32 лет поселился у отца в имении Палибиных.

Недалеко от имения находилось село Кимборово, принадлежавшее Алексею Степановичу Каретникову, дочь которого Елена привлекла внимание Михаила Кузьмича. Мать знаменитого путешественника Елена Алексеевна Пржевальская (1816–1877), происходила из богатой семьи помещика. Ее отец, Алексей Степанович Каретников (до 1808–1842) был дворовым помещика Тульской губернии. Будучи отдан в солдаты, уже через пять лет сделался магазин-вахтером, а затем был переведен в фельдъегерский корпус. В 1805–1808 годах он находился в свите императора, а в 1809-м был переведен в гражданскую службу с чином коллежского регистратора (этот титул давал право на дворянство). В XIX веке это было редкостью – должно быть, его заслуги на ратном поприще были совершенно исключительными. Впрочем, существует версия, что Каретников получил дворянство за доставку важных депеш для императора Александра I, благодаря чему неоднократно бывал в Западной Европе.

Еще один биограф Пржевальского, А. В. Зеленин, пишет, что Алексей Степанович был «большого роста и обладал красивой наружностью. Женился он на женщине также не родовой, дочери тульского купца, которая с своей стороны отличалась крепким здоровьем и красивой наружностью. В Петербурге у него отведена была особая комната, в которой собрано было множество птиц, а другая комната была предназначена для помещения обезьян»⁴. Биограф предполагает, что именно от деда по матери, с его опытом заграничных поездок и любовью к животным, унаследовал Николай Михайлович черты своего характера.

В Петербурге Алексей Степанович женился на Ксении Ефимовне Демидовой. У них было четыре сына: первенец (имя неизвестно), Александр, Гавриил, Павел – и три дочери: Елизавета, в замужестве Завадовская; Александра, в замужестве Потемкина; Елена, в замужестве Пржевальская. Сыновья окончили коммерческое училище, дочери – престижный пансионат Зейдлер в Петербурге. Один из сыновей, Павел Алексеевич Каретников, станет основным наперсником для рано осиротевших племянников и фактически заменит Николаю Пржевальскому рано умершего отца.

⁴ Зеленин А. В. Путешествия Н.М.Пржевальского. Т. 1. СПб., 1901. С. 14.

В 1830-х годах А. С. Каретников купил на Смоленщине у помещика Лесли сельцо Кимборово, в котором было 160 ревизских душ с 1200 десятинами земли, поселился в нем и занялся хозяйством.

Первое время Михаил Кузьмич очень не нравился семейству Каретниковых. Родители Елены, удачно выдавшие замуж старших дочерей, не слишком поощряли это знакомство. Автор биографии Пржевальского в «павленковской» серии «ЖЗЛ» М. А. Энгельгардт пишет: «Отставной поручик, бедный, болезненный и некрасивый (он был высокого роста, худой, бледный, с мутными глазами и колтуном на голове) не мог назваться завидным женихом. Тем не менее, увлечение было взаимным, и родители Елены Алексеевны, возмущившиеся было притязаниями Пржевальского и отказавшие ему от дома, в конце концов уступили и согласились на брак»⁵, который явно считали мезальянсом. И у них, судя по всему, были основания так считать – никаких следов наследства и участия родственников Михаила Кузьмича в жизни молодой семьи впоследствии не обнаруживается. Тем не менее в 1838 году брак состоялся. Венчались в церкви ближайшего села Лобкова, а праздновали свадьбу в Кимборове.

Таковы основные факты, связанные с происхождением великого путешественника. Однако, как и вся последующая его жизнь, рождение Пржевальского стало почвой для легенд, одна из них утверждает, что на самом деле его отцом являлся... император Александр II!

Что ж, приведем одну из версий этой захватывающей легенды:

«В июле 1837 года Василий Андреевич Жуковский, сопровождавший в поездке по России 19-летнего наследника престола (будущего императора Александра II), прибыл в Воронеж. Посетили губернскую гимназию, встречались и беседовали с поэтом А. В. Кольцовым, гуляли с ним по улицам города. Об этой встрече русских поэтов сообщает мемориальная доска, установленная на доме, принадлежавшем в прошлом веке дворянам Тулиновым (проспект Революции, 30). Сохранилось несколько рисунков В. А. Жуковского с изображением видов Воронежа в 1837 году.

В этом путешествии на В. А. Жуковского была возложена нелегкая обязанность – присматривать за наследником, чтобы тот неукоснительно выполнял все наставления царственного батюшки. Но в родных местах Воронежской губернии Василий Андреевич не удержался от соблазна посетить своих близких. На три дня он оставил кортеж наследника, который отправился по намеченному маршруту в Смоленск. Его путь лежал через Починок и Кимборово, где решено было заночевать 13 июля перед въездом в Смоленск.

Здесь, в Кимборово, у великого князя случился довольно быстрый роман с местной красавицей Еленой Алексеевной Каретниковой. Они познакомились на ужине в доме ее отца – Алексея Степановича Каретникова. Знакомство продолжилось в Смоленске на балу 15 июля в частном доме. Красивая, хорошо образованная девушка очень понравилась великому князю Александру Николаевичу. И в те жаркие дни середины июля 1837 года ярко вспыхнул огонь взаимной страсти, помешать которой был не в силах никто. Впечатлительная душа девятнадцатилетнего Александра Николаевича была покорена. В ней не осталось и следа от тех петербургских романов, против которых так был царственный батюшка Николай Павлович. Лечение путешествием и временное отсутствие Жуковского оказалось весьма кстати, как для наследника престола, так и для России. Помазанник Божий Николай Павлович знал, что делал, отправляя сына в дальнюю дорогу...»⁶

В этой легенде прекрасно всё, кроме того, что в этом случае беременность Елены Алексеевны длилась... год и девять месяцев!

Следом за Николаем (31.03.1839) в семье Пржевальских появляются сыновья Владимир (06.07.1840—26.01.1900), Евгений (15.01.1844—10.09.1925) и дочь Елена (17.05.1846).

⁵ Энгельгардт М. А. Николай Пржевальский. Его жизнь и путешествия. Биографический очерк. СПб., 1891. С. (?).

⁶ <https://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/ocherki/808454.html>

В 1840 году А. С. Каретников подарил дочери Елене Пржевальской небольшое сельцо Отрадное. Отрадное, как и Кимборово, располагалось на одном из притоков реки Россожи в ее верховье и имело одноименное с ним название. Отрадное упоминается среди населенных пунктов Смоленщины с середины XVIII века. По переписи 1859 года сельцо насчитывало всего два двора с 16 жителями (7 душ мужского и 9 душ женского пола). Примерно в это время скончалась сестра Елены Алексеевны, оставив ей по завещанию 2500 рублей. На эти деньги решено было построить новую усадьбу, куда в 1843 году переехала из Кимборова семья Пржевальских. Усадьба Отрадное на всю жизнь станет для Николая родным домом – местом, к которому он будет стремиться душой из будущих странствий.

Усадьба в Отрадном не сохранилась до наших дней. Место, где она ранее находилась, установила бывшая заведующая домом-музеем Пржевальского Е. П. Гавриленкова.

В 1842 году, когда Николаю было всего три года, умер его дед, отец Елены Алексеевны. Незадолго перед смертью он разделил Кимборово на несколько частей, содержащих по 35 ревизских душ. Елене Каретниковой-Пржевальской достались три части.

Елена Алексеевна была довольно жесткой, умной и энергичной женщиной и умело вела хозяйство. Здоровье же Михаила Кузьмича, как уже говорилось, было подорвано на военной службе – он страдал болезнями легких и воспалением глаз. Вскоре после рождения дочери болезнь его обострилась и на 42-м году жизни 27 октября 1846 года он умер. Его вдове на тот момент исполнилось тридцать лет, а Николаю, ее первенцу – семь.

Еще при жизни Михаила Кузьмича в дом Пржевальских переехал брат Елены Алексеевны Павел Алексеевич, ставший для ее сыновей первым наставником после того, как они вышли из младенческого возраста.

О детстве Пржевальского замечательно написано у М. А. Энгельгардта в его биографическом очерке, изданном более ста лет назад:

«Вторым лицом после барыни была нянька Макарьевна, она же ключница и экономка – тип, не раз изображавшийся в нашей литературе: преданная до самозабвения господам, сварливая и злая для своей братии – крепостных. Пуще всего допекала она дворовых девушек, строго наблюдая за их поведением (сама она осталась незамужней) и донося барыне в случае „греха“. Виновную выдавали за первого попавшегося мужика – по уставу старопомещичьей морали. Она смотрела за паничами, баловала их, подкармливала сладостями и яблоками, рассказывала сказки и так далее. „Из всех сказок, – говорит Пржевальский, – особенно нравилась мне, мальчику непокорному и шаловливому, „Иван, великий охотник“; бывало, как только закапризничая, нянька и говорит: „Хочешь, я расскажу тебе об Иване, великом охотнике?“ – и я тотчас стихаю“. Пржевальский любил ее и со свойственным ему постоянством в привязанностях сохранил эту любовь в течение всей жизни. Он не замечал ее злобного отношения к окружающим, но высоко ценил ее нелицемерную преданность господам, какой не встретишь „в нынешнее огульно развратное время“, как он выражался. „Рос я в деревне дикарем, – рассказывает он, – воспитание было самое спартанское, я мог выходить из дома во всякую погоду“. Дети мокли под дождем, бегали по снегу, гуляли одни в лесу, где водились и медведи, лазили по деревьям – словом, пользовались большою свободой. Но и потачки им не давалось: мать относилась к ним очень строго, розги играли выдающуюся роль в ее педагогике, и будущему путешественнику досталось их немало: он уродился порядочным сорванцом, и за свои проказы получал неукоснительное воздаяние по предписаниям Домостроя. Это, впрочем, не портило семейных отношений: напротив, Пржевальский нежно любил свою мать и всегда вспоминал о ней с благодарностью. Она да нянька Макарьевна – едва ли не единственные женщины, к которым он, заклятый женоненавистник, относился с искренним уважением.

Воспитание и окружающая среда имеют большее или меньшее значение для человека в зависимости от его прирожденных свойств. Одни поддаются внешним воздействиям легче, другие труднее: Пржевальский принадлежал к числу последних. Натура стойкая, неподатли-

вая, упорная – он с юных лет обнаруживал замечательную самостоятельность и всегда был „сам по себе“. Но и самые неподатливые люди не могут вполне освободиться от внешних влияний. „Спартанское воспитание“ не прошло для него бесследно: некоторая грубоватость характера, неприятно поражавшая многих, кто сталкивался с ним впоследствии, развилась под влиянием грубой среды.

На пятом году засадили его за ученье – в день пророка Наума, 1 декабря, потому что „пророк Наум наставляет на ум“. Учителем был дядя Павел Алексеевич, брат Елены Алексеевны, промотавший собственное имение и приютившийся у сестры. Человек беспечный и страстный охотник, он представлял легкомысленный элемент в их суровой, ветхозаветной семье, но имел благотворное влияние на своих питомцев (Николая Михайловича и его брата Владимира), обучая их не только грамоте и французскому языку, но также стрельбе и охоте. „Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями, – рассказывает Пржевальский. – Потом из лука, а лет в двенадцать получил настоящее ружье. Руководителем в охоте был мой дядя, Павел Алексеевич Каретников, который, помимо охоты, имел другую страсть – запивал время от времени, и тогда на охоту не ходил“. Под его влиянием развивалась в мальчике рано пробудившаяся любовь к природе, превратившаяся наконец в истинную страсть и создавшая из него путешественника-натуралиста»⁷.

Здесь нужно сказать несколько слов об охоте – истинной страсти Пржевальского, которая, как мы видим, зародилась в нем с самого детства. Что представляла собой охота в жизни русского помещика тех лет, можно представить по ярким книгам замечательных современников, вышедшим примерно в это время и вошедшим в золотой фонд русской литературы, – И. С. Тургенева «Записки охотника» (издавались в 1847–1851 годах в журнале «Современник») и С. Т. Аксакова – «Записки об уженьи рыбы» (1846) и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852).

В 1852 году Николаю было 12 лет и, судя по всему, вряд ли его семья выписывала издания, в которых выходили эти произведения. Но в них выражены то же глубокое знание природы, та же любовь к ней, которые Пржевальский пронесет через всю жизнь. Именно эта страсть во многом направила его к великой цели. «Русская пословица говорит глубоко и верно, что охота пуще неволи. . . Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетями и удочкой за рыбою – все имеют одно основание. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, сближая их с природою, должна сближать между собою», – пишет С. Т. Аксаков.

Определяющее влияние детских лет на личность Пржевальского отмечает и крупнейший русский географ, многолетний руководитель Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский:

«Всему высокому, всему прекрасному научился богато одаренный юноша в лоне матери-природы; ее непосредственному влиянию обязан он и нравственную чистоту и детскою простотою своей прекрасной души, и тонкою наблюдательностью своего ума, и своею неутомимою силою и энергиею в борьбе с физическими и духовными препятствиями, и замечательным здоровьем души и тела, и беспредельною своею преданностью науке и отечеству. В течение всей дальнейшей своей жизни Н. М. Пржевальский не разорвал своей связи с своею смоленскою родиною, с тем дорогим ему уголком земли, где прошло его беззаботное детство, где природа в юношеские его годы выработала из него, почти без посторонней помощи, все то, что сделало его одним из самых выдающихся деятелей своего времени и своего Отечества».

Домашнее обучение в доме Пржевальских между тем проходило не особенно успешно и тем удивительнее для нас будут последующие успехи юношей – всех троих.

⁷ Энгельгардт М. А. Указ. соч. С. 6–7.

Личность Пржевальского в силу его громадных заслуг перекрыла в глазах потомков достижения его братьев. Тем не менее брат Владимир стал одним из самых блестящих юристов своего времени, соперничавших со знаменитым Ф. Н. Плевако, а младший брат Евгений – не менее знаменитым математиком, преподавателем, автором известного учебника геометрии⁸, а также генерал-майором.

В 1849 году 10-летнего Николая отправили учиться в Смоленскую гимназию, о чем также рассказывает в своей книге М. А. Энгельгардт:

«Года через два стали приглашать учителей-семинаристов, которые, впрочем, плохо соответствовали своему назначению и часто менялись. Наконец попался сносный ментор, подготовивший мальчиков в училище. Мать хотела отдать их в кадетский корпус, но это не удалось, и она отправила их в Смоленск, где они были приняты во второй класс гимназии. В Смоленске вели они очень скромную жизнь, помещаясь на квартире, стоившей два рубля в месяц, под присмотром крепостного дядьки Игната, который водил их в гимназию и сопровождал на прогулках. Николай Пржевальский был хорошим товарищем, но близких друзей не имел. Сверстники невольно подчинялись его влиянию: он был коноводом своего класса. Он всегда заступался за новичков – черта, свидетельствующая не только о великодушии, но и о независимом характере: в то время травля новичков считалась как бы священной обязанностью, – надо же „отшлифовать“ парня, рассуждали товарищи... Но Пржевальский, как мы сказали, был сам по себе.

Ученье давалось ему легко: он обладал изумительной памятью – качество очень важное при тогдашней системе преподавания. Нелюбимым предметом его была математика, но и тут выручала память: „ему всегда ясно представлялась и страница книги, где был ответ на заданные вопросы, и каким шрифтом она напечатана, и какие буквы на геометрическом чертеже, и сами формулы со всеми их буквами и знаками“. Живое воображение и феноменальная память определили весь склад его ума. Он, как сам выражался, мыслил образами. Суждения его о тех или других явлениях складывались непосредственно, интуитивно; он скорее смотрел и видел, чем думал и заключал. Ясный и здравый ум помогал ему быстро ориентироваться и схватывать сущность явления; книги и письма его полны метких замечаний, блестящих характеристик; но, полагаясь на первое впечатление, он нередко впадал в поверхностные суждения, образчики которых увидим ниже.

Как противовес слишком одностороннему развитию памяти и воображения, было бы полезно развитие склонности к отвлеченному мышлению, но гимназия не могла оказать влияния в этом отношении. Вакации, тянувшиеся очень долго, с мая до октября и даже ноября, мальчики проводили дома, в Отрадном. Они помещались с дядей во флигеле, куда приходили только на ночь, проводя весь день на охоте и рыбной ловле. Это была бесспорно полезнейшая часть в воспитании будущего путешественника. Под влиянием жизни в лесу, на воздухе закалялось и крепло здоровье; развивались энергия, неутомимость, выносливость, изощрялась наблюдательность, росла и укреплялась любовь к природе, придавшая всей его жизни такую своеобразную окраску.

Зато книжная сторона его воспитания сильно хромала. Литературу в доме его родителей заменяли лубочные издания, покупаемые у коробейников. В числе прочей дребедени попалась ему книжка „Воин без страха“, сыгравшая немаловажную роль в его жизни. „Написанная прекрасным языком“ и рисовавшая воинские добродетели самыми яркими красками, она произвела на него глубокое впечатление. Рассказы о севастопольских подвигах тоже кружили ему голову, и в конце концов он решил поступить на военную службу»⁹.

⁸ Начальная алгебра Е. Пржевальского, штатного препод. 3-го Александровск. воен. училища. Ч. 1–2. М., 1867.

⁹ Энгельгардт М. А. Указ. соч. С. 8–10.

Гимназическое воспитание кончилось в 1855 году, когда Пржевальскому исполнилось 16 лет. Лето он провел в деревне, привычно занимаясь охотой и рыбной ловлей, а осенью должен был отправиться в Москву и поступить в полк. В те времена это было целое путешествие, к которому готовились заблаговременно: ладили экипажи, закупали необходимые вещи и так далее. Как ни мечтал Николай о военных подвигах, но расставаться с родительским домом было ему тяжело. Позже он вспоминал: «Наконец наступила роковая минута. Меня позвали к матери; я вошел в залу. У большого образа теплилась лампада, а на коленях перед ним молилась моя мать. В углу стояла няня, несколько дворовых, и все плакали. „Станьте здесь и молитесь“, – обратилась ко мне и брату мать. Мы молча исполнили ее приказание. Глубокая тишина водворилась в комнате, изредка прерываемая тяжкими вздохами. Наконец мать встала и взяла образ; я подошел к ней. „Да сохранит тебя Господь Бог во всей твоей жизни“, – сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемые слезы разом брызнули из глаз, и я заплакал как ребенок. „Прощай, мой голубчик“, – сказала, поцеловав меня, старая няня. – „Прощайте, барин, прощайте! Дай Бог вам счастья!“ – слышалось со всех сторон. Да, это была минута тяжкого испытания; я не забуду ее никогда»¹⁰.

Когда эта сцена рисуется в воображении, образ матери, провожающей сыновей, будет неполным без того факта, что 15 марта 1855 года родилась их сводная сестра Александра, а за год до этого Елена Алексеевна повторно вышла замуж за соседского помещика Ивана Демьяновича Толпыго, служащего Смоленской палаты государственных имуществ. Помимо дочери Александры, от этого брака родились в скором времени еще двое сыновей: Николай (1856) и Ипполит (1858). Александра Ивановна Толпыго впоследствии наследовала имение Отрадное. Надо сказать, что с отчимом, а потом и со сводными братьями и сестрой, у Николая сложились вполне хорошие отношения.

Итак, детство будущего знаменитого путешественника полностью соответствовало тому занятию, которое он впоследствии выбрал. Отличительными чертами его, по свидетельствам биографов, была ярко выраженная самостоятельность, некоторая грубоватость, резкость в суждениях, неукротимая энергия и одновременно способность к глубоким душевным порывам, что проявлялось в стремлении к справедливости при защите новичков. Не из-за этого ли детского противостояния брат его Владимир, обладавший более покладистым и дипломатичным характером, выберет профессию адвоката?

По словам Владимира Михайловича, сказанным им позднее, умственное развитие его и брата началось после окончания курса гимназии. «Хотя я, – писал позднее Николай Михайлович, – отлично кончил курс гимназии, но, скажу по истине, слишком мало вынес оттуда». Тем не менее юноша окончил курс с правом на первый гражданский чин. Да и Владимир поступил в Московский университет на юридический факультет, куда из-за юного возраста был зачислен только в следующем, 1856 году. С этого момента дороги братьев надолго расходятся.

1855 год – год окончания братьями Пржевальскими гимназии и перехода во взрослую жизнь – стал переломным не только для них, но и для России в целом. Император Николай I, правивший страной с самого рождения Пржевальского, умер, а на престол Российской империи 19 февраля 1855 года вззошел его сын Александр II, которого история назовет Освободителем.

¹⁰ Пржевальский Н. М. Воспоминания охотника // Журнал охоты и коннозаводства. 1862. № 6–8.

Глава вторая Смена устремлений

Начало военной службы. – Смена устремлений. – Прошение о переводе на Амур. – Предыдущие исследования Приамурья. – Поступление в Академию и переезд в столицу. – Первая научная работа и прием в члены Русского географического общества. – Участие в подавлении Польского восстания. – Определение в Варшавское юнкерское училище. – Библиотекарь. – Была ли погибшая невеста?

После отъезда из родительского имения наш герой, заядлый охотник с жестким характером, романтическим настроем, атлетическим здоровьем и спартанским воспитанием, погрузился в армейскую обстановку. Он был принят унтер-офицером в Рязанский пехотный полк. Вскоре полк из Москвы выступил в поход через Калугу в город Белев, где Пржевальский попал в особую юнкерскую команду.

Контраст между романтическими книгами, рассказами близких о славных воинских традициях предков и реальной полковой жизнью был огромен. Поскольку военных действий на тот момент не велось, офицеры занимали себя пьянством, разгулом, пустыми разговорами и бессмысленной муштрой. Все устремления, составлявшие армейскую жизнь, были Пржевальскому глубоко чужды. «Он не наш, а только среди нас» – говорили о нем другие офицеры¹¹.

В первую очередь Пржевальский был абсолютно равнодушен или даже испытывал отвращение к алкоголю, а это свойство в мужском сообществе, имеющем прочную традицию пьянства, не способствует дружескому настрою. Жестокое, зачастую бессмысленно жестокое обращение с солдатами не могло не вызвать негодования в бывшем школяре, защищавшем новичков вопреки тогдашним традициям, сходным с современной «дедовщиной». Ну а пошлые шутки, волочение за юбки и посещение публичных домов (неизменно сопровождавшееся пьянством) тоже вряд ли вызвали сочувствие у этого юного русского Маугли. Вкупе с ветхозаветным воспитанием матери и няньки, нещадно наказывавшей крепостных девок «за разврат», именно изнанка армейской жизни могла породить широко известное презрение Пржевальского к прекрасному полу. Впрочем, презрительное отношение к «бабам» в то время было вполне обычным, особенно в деревенской среде – можно почитать, к примеру, рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч».

Единственным занятием, которое могло объединять Пржевальского с сослуживцами, была карточная игра. Обладая азартом, определенной выдержкой и фотографической памятью, он быстро стал играть профессионально. Позднее он сядет за карточный стол, чтобы добыть денег на свою первую экспедицию – и обыграет половину владивостокских игроков, за что ему, как не знающему проигрыша, дадут прозвище «Золотой фазан». Но во Владивостоке у него был уже иной статус, там он был офицером Генштаба, прибывшим с «материка». А здесь... как быстро кончились приятели, желающие без конца проигрывать грубоватому юнцу?

В ноябре 1856 года Пржевальского произвели в прапорщики и перевели в Полоцкий полк, который стоял в Смоленской губернии. Офицеры и здесь предавались кутежам и карточной игре, заставляли солдат воровать продовольствие у местного населения. Пржевальский не без увлечения играл в карты, однако пить отказывался категорически. Ротный командир,

¹¹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 24.

отъявленный пьяница, заставляя его пить, уговаривал, стыдил, грозил, но, натолкнувшись на твердый отказ, сказал: «Из тебя, брат, прок будет!»

Не разделяя интересов сослуживцев, Пржевальский проводил свободное время за чтением книг, охотой, сбором растений тех мест, где он бывал. Думаю, в современном обществе сослуживцы тоже вряд ли принимали его за своего. С его несомненным самомнением, резким характером и странными предпочтениями, скорее всего, его бы тоже игнорировали и подвергали насмешкам.

Позднее он напишет об этом периоде своей жизни горькие строки:

«Я невольно задавал себе вопрос: где же нравственное совершенство человека, где бескорыстие и благородство его поступков, где те высокие идеалы, перед которыми я привык благоговеть с детства? И не мог дать себе удовлетворительного ответа на эти вопросы, и каждый месяц, можно сказать, каждый день дальнейшей жизни убеждал меня в противном, а пять лет, проведенные на службе, совершенно переменили прежние мои взгляды на жизнь и человека»¹².

Ему приходилось так нелегко, что временами он уходил в лес и плакал.

«Поддержкой в этом тяжелом положении являлись, кроме любви к природе, переписка с матерью и случайные побывки в родном доме. Матери он писал очень часто, сообщая ей о всех мелочах своей военной жизни. То, что было хорошего в его спартанском воспитании – нежная любовь матери, сознание долга, твердость в исполнении обязанностей, которые она старалась привить детям, – оказали здесь благотворное влияние.

Материальное положение Пржевальского было незавидным – особенно в первое время службы. Собственных денег имелось мало, а содержали юнкеров плохо. Но материальные невзгоды еще не так угнетали его, как нравственная неудовлетворенность. Долго он терпел ее, утешаясь охотой и чтением – преимущественно исторических книг и путешествий, – но наконец решился выйти из своего безотрадного положения»¹³.

Проведя таким образом пять лет, Пржевальский решил, наконец, изменить свою жизнь, о чем позже писал: «Прослужив пять лет в армии, протаскавшись в караулы, по всевозможным гауптвахтам, на стрельбу со взводом, я наконец ясно осознал необходимость изменить подобный образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где бы можно было тратить труд и время для разумной цели. Однако эти пять лет не пропали для меня даром. Не говоря уже о том, что они изменили мой возраст с 17 на 22 года и что в продолжение этого периода в моих понятиях и взглядах на жизнь произошла огромная перемена, – я хорошо понял и изучил то общество, в котором находился».

В то время многие европейские путешественники занимались исследованием Африки. Об их экспедициях и открытиях печатались отчеты в газетах, выходили книги. Вдохновленный романтикой дальних странствий, Пржевальский тоже загорелся мечтой поехать в Африку, однако найти средства на финансирование этой экспедиции было практически невозможно. Но и в самой России тогда можно было найти столь же неизведанные и труднодоступные земли. В 1856–1857 годах Петр Петрович Семенов открыл для науки огромную горную страну Тянь-Шань, лежащую на южной границе России. В 1858 году был подписан Айгуньский договор с Китаем, закрепивший присоединение к России огромной территории к северу от Амура. В 1860 году по новому, Пекинскому договору империи досталась территория между Амуром и Уссури – нынешний Приморский край. Эти области были малонаселены и практически неизучены. Вот она, возможность совместить воинские традиции предков и мечту первооткрывателя!

¹² Пржевальский Н. М. Воспоминания охотника.

¹³ Энгельгардт М. А. Указ. соч. С. 12.

Пржевальский подает начальству просьбу о переводе его на Амур. Однако вместо ответа его сажают под арест на трое суток. Он приходит к убеждению, что порвать с полковой службой можно, поступив в Академию Генерального штаба, получив высшее военное образование.

В 1860 году Полоцкий полк переводят в Волынскую губернию, в город Кременец. Здесь Пржевальский прожил 11 месяцев, усиленно (до шестнадцати часов в сутки!) готовясь к экзаменам в академию и в то же время изучая труды по ботанике, зоологии, географии, пополняя свой багаж будущего исследователя природы. Свободное от занятий время он посвящал охоте, знакомству с живописными окрестностями города, в первую очередь с Кременецкими горами – отрогами Карпат.

В Петербург он поехал налегке, заняв у одной знакомой 170 рублей с обязательством возвратить 270. К его великому ужасу, на экзамен в академию явилось 180 человек: он уже решил, что провалится, но несмотря на сильную конкуренцию был принят одним из первых – большинство явившихся оказались плохо подготовленными. Живя в крайне стесненном материальном положении, нередко впроголодь, он сторонился товарищей, не примыкал ни к какому кружку и распределял время между посещением лекций и чтением книг по истории и естествознанию...

«Вообще, стремление к одиночеству было у него всегда, начиная с гимназии и кончая последними годами жизни. Не нравились ему суета, шум и дразги общественной жизни, стеснения, которые она налагает; наконец и характер его, повелительный и не лишенный властолюбия и нетерпимости, препятствовал слишком тесному сближению с людьми. Он был отличный товарищ, радушный хозяин, надежный вождь, заботливый патрон, но окружал себя только такими лицами, над которыми мог господствовать»¹⁴.

Возможно еще и поэтому, переселившись в столицу, что было пределом мечтаний большинства его современников, он не отступил от ранее поставленной цели.

При переходе на второй курс Пржевальский написал работу «Военно-географическое обозрение Приамурского края». Выбор темы был неслучаен. Со времен, когда было подано злополучное прошение о переводе на Амур, Николай изучал литературу по географии Азии, особенно интересуясь малоизученными территориями, в частности Дальним Востоком. При составлении описания (заочного!) Приамурского края пригодились его знания по разным наукам, умение ориентироваться в источниках, логически излагать свои мысли. Не мог он обойти вниманием и то, к чему всецело стремилась его душа – материалы последних экспедиций на Амур.

Устремления его были на редкость своевременны. Незадолго до описываемых событий состоялось как минимум три крупных экспедиции в Амурский край, и одна из них как раз и легла в основу создания Русского географического общества.

Фундамент исследований Приамурья и Уссурийского края заложила экспедиция Александра Федоровича Миддендорфа (1842–1845). До устья Амура путешественники не дошли, зато обследовали район, расположенный к югу от Станового хребта, в январе 1845 года вышли к Амуру и по его льду добрались до русского караула в Усть-Стрелке, стоявшей при слиянии Аргуни и Шилки. Привезенные Миддендорфом сведения о географии Восточной Сибири и Дальнего Востока, а главное Приамурья, были настолько обширными и ценными, во многом опровергавшими устоявшиеся в науке представления, что по приезду ученого в Петербург он был восторженно встречен научной общественностью. Собственно, на волне положительных эмоций, вызванных успехом этого путешествия, и было решено создать Русское географическое общество, учредителями которого стали известнейшие люди России.

Общество было основано по Высочайшему повелению императора Николая I в 1845 году. 6 августа (18 августа по новому стилю) 1845 года император утвердил временный устав РГО.

¹⁴ Энгельгардт М. А. Указ. соч. С. 13.

Идея создания общества принадлежала адмиралу Федору Петровичу Литке, воспитателю будущего первого председателя РГО великого князя Константина Николаевича. Главной задачей новой организации было собрать и направить лучшие молодые силы России на всестороннее изучение родной земли.

Среди учредителей Русского географического общества были знаменитые мореплаватели: адмиралы Федор Петрович Литке, Иван Федорович Крузенштерн, Фердинанд Петрович Врангель, Петр Иванович Рикорд; члены Петербургской Академии наук естествоиспытатель Карл Максимович Бэр, астроном Василий Яковлевич Струве, геолог Григорий Петрович Гельмерсен, статистик Петр Иванович Кеппен; видные военные деятели (бывшие и действующие офицеры Генерального штаба) генерал-квартирмейстер Федор Федорович Берг, геодезист Михаил Павлович Вронченко, государственный деятель Михаил Николаевич Муравьев; представители русской интеллигенции – лингвист Владимир Иванович Даль и меценат князь Владимир Федорович Одоевский¹⁵.

В 1849–1855 годах состоялась крупнейшая по значению для освоения края Амурская морская экспедиция Г. И. Невельского. Капитан-лейтенант Невельской на корабле «Байкал» отбыл из Кронштадта 21 августа 1848 года. Был выбран Западный маршрут плавания: Кронштадт – Портсмут – Рио-де-Жанейро – Мыс Горн – Вальпараисо – Гавайские острова – Петропавловск-Камчатский. Спустя восемь с лишним месяцев, 12 мая 1849 года, «Байкал» в целости прибыл в Петропавловский порт. Оттуда началась экспедиция, в ходе которой был открыт остров Сахалин (до того он считался полуостровом), открыто и исследовано устье Амура, а также объявлено о присоединении Амурского края к России и основано сразу несколько русских поселений.

В то же время в обстановке крайней секретности была проведена сухопутная экспедиция подполковника Генерального штаба Н. Х. Агте. В восьмом номере журнала «Русское слово» за 1859 год в статье Д. Романова «Приобретение Амура» сообщается, что экспедиция Агте «доставила достоверные сведения о стране, к северу от Амура лежащей, хотя и не была на самой реке, за исключением топографа экспедиции, который спускался в лодке до устья реки Камары».

В 1852 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев предпринял так называемый первый сплав по Амуру, перебросив на судах к его устью из Забайкалья весьма внушительный для здешних мест воинский контингент. Учитывая, что Муравьев был опытным военным, а отнюдь не дилетантом-авантюристом, он мог решиться на такое мероприятие только будучи твердо уверенным в его успешном осуществлении – подвергать сотни людей и свою репутацию неоправданному риску он бы не стал. Значит, он был полностью уверен в проходимости Амура для судов его флотилии. Забайкальская экспедиция завершилась к осени 1852 года, а в начале следующего года ее начальник Агте уже был в Петербурге. Вскоре туда же приехал и Муравьев, вероятно, по воспоминаниям которого представлены дальнейшие события в статье П. Шумахера в «Русском архиве»:

«Государь Николай Павлович, по прибытии подполковника Агте, приказал доложить себе все эти дела, когда приедет генерал Муравьев, и по приезде его доклад этот был назначен 22 апреля 1853 г. в присутствии Наследника Престола, Великого Князя Константина Николаевича и военного министра. К докладу потребованы были генерал-губернатор и подполковник Агте. В то же время представлены Государю Императору все съемки и карты Восточной Сибири, составленные как экспедицией полковника Агте, так и другими членами генерального штаба Восточной Сибири.

Государь принял очень милостиво полковника Агте, рассматривал все карты, расспрашивал его подробно о его путешествии и сведениях, им собранных, и по рассмотрении той

¹⁵ <https://www.rgo.ru/ru/obshchestvo/istoriya>

карты о которой выше упомянуто, и соображении ее с Нерчинским трактатом, изволил сказать о том пространстве Приамурья, которое лежит от реки Буреи к морю: „Итак, это наше!“ Обратившись к военному министру, Николай Павлович сказал: „Так и снести об этом с китайцами“.

Потом, подзвав к общей карте Амура генерал-губернатора, говорит ему: „Все это хорошо, но я ведь должен посылать защищать это из Кронштадта (указывая на устье Амура)“. Тогда Муравьев сказал ему: „Кажется, нет надобности, Государь, так издалека“, – и, проводя рукою по течению Амура из Забайкальского края, прибавил: „Можно и ближе подкрепить“.

Государь при этих словах положил ему руку на голову и сказал: „Эх, Муравьев, ты право когда-нибудь сойдешь с ума от Амура!“. Муравьев отвечал: „Государь! Сами обстоятельства указывают этот путь“. Николай Павлович, ударив его рукой по плечу, сказал: „Ну, так пусть же обстоятельства к этому и приведут: подождем“. Что Государь был очень доволен и всеми теми сведениями, которые он тут получил, ясно было: потому что на другой же день 23 апреля, генерал Муравьев, полковник Агте и все члены экспедиции были осыпаны наградами».

Эти исследования (уже по составу экспедиций мы видим, что они носили не столько научный, сколько военно-политический характер) были исключительно важны для расширяющейся Российской империи, и устремления Николая Пржевальского безошибочно совпали с высшими политическим интересами.

Свою первую научную географическую работу Пржевальский выполнил столь хорошо, что за нее Русское географическое общество в феврале 1864 года избрало его своим действительным членом. По отзыву П. П. Семенова-Тян-Шанского (в то время председателя отделения физической географии Географического общества), эта первая научная работа Пржевальского была выполнена блестяще и «основана на самом дельном и тщательном изучении источников, а главное, на самом тонком понимании страны». От выхода «Военно-статистического обозрения Амурского края» до этого момента прошло почти два года. Тем временем Пржевальский написал и первое свое литературное произведение. Под названием «Воспоминание охотника» оно попало на страницы журнала «Охота и коневодство».

В 1863 году судьба Пржевальского совершила резкий разворот. В январе началось второе Польское восстание (в первом, как мы помним, участвовал Михаил Кузьмич, отец Николая, и именно там потерял здоровье, отчего и умер так рано). В Академии Генерального штаба было принято решение о досрочном окончании учебы Пржевальского в академии с правом второго разряда при условии возвращения в свой полк, который отправлялся в Польшу для подавления восстания. Николай немедленно подал прошение и вернулся в полк, где был назначен полковым адъютантом и уже в июле был произведен в поручики. О его участии в подавлении восстания сохранилось не так много сведений, но Н. Ф. Дубровин описывает случай, когда один из его сослуживцев совершил растрату, и Николай Михайлович написал офицерам письмо с просьбой поучаствовать в спасении чести товарища. Благодаря ему нужная сумма была собрана и человек избежал разжалования и суда.

Сохранились от того периода и забавные эпизоды: «Охотничья страсть едва не сыграла с ним злую шутку: увлекшись преследованием какой-то дичи, он попал однажды в шайку повстанцев и еле успел ускользнуть от них»¹⁶.

После окончательного подавления восстания в западных губерниях еще какое-то время сохранялось военное положение. Привилегии польских помещиков, бывших главной движущей силой восстания, были существенно урезаны, а вот крестьянство и городское население получили некоторые льготы. Власти также запоздало озаботились развитием образования, так как до этого образование велось на польском языке и сильны были иезуитско-католические традиции. В 1864 году Пржевальский, получив отпуск, провел некоторое время на родине в

¹⁶ Энгельгардт М. А. Указ. соч. С. 14.

Смоленской губернии, а в конце того же года получил назначение в качестве взводного офицера (а также преподавателя истории и географии) в Варшавское юнкерское училище.

Казалось бы, обучение школяров и перебирание пыльных книг совсем не подходило для такого деятельного, закаленного и решительного человека, каким был Пржевальский. Кроме того, это противоречило раз и навсегда выбранной им для себя цели. Однако в училище ему было по-настоящему хорошо: «Здесь, в течение 2-х лет и нескольких месяцев, я, в уверенности, что рано или поздно, но осуществлю заветную мечту о путешествии, усиленно изучал ботанику, зоологию, физическую географию и пр., а в летнее время ездил к себе в деревню, где, продолжая те же занятия, составлял гербарий. В то же время читал я публичные лекции в училище по истории географических открытий трех последних веков и написал учебник географии для юнкеров... Вставал я очень рано и почти все время, свободное от лекций, сидел за книгами, так как, подав прошение о назначении меня в Восточную Сибирь, уже наметил план своего будущего путешествия».

Именно здесь Пржевальский, сам еще по современным меркам очень молодой человек, обнаруживает тот талант, который, пожалуй, остался самым недооцененным, заслоненным гигантским масштабом его заслуг как первооткрывателя и исследователя. Это талант Учителя. Именно так, с большой буквы, потому что этот человек всю свою жизнь учил, наставлял, опекал и заботился о многих и многих младших своих товарищах. Некоторые из бывших его учеников разделили его путь и стали частью его великого дела.

«Лекции его имели огромный успех: юнкера из других отделений класса собирались послушать его живую, картинную, энергичную речь. Удивительная память позволяла ему цитировать лучшие страницы из авторов, писавших о трактуемом предмете. Он умел возбудить в своих учениках охоту к знаниям, так что многие из них поступали впоследствии в университет, земледельческую академию и тому подобное: результат красноречивый, если принять во внимание, что в юнкерское училище поступали молодые люди, скорее бежавшие от науки, чем стремившиеся к ней. Только некоторые из коллег Пржевальского были недовольны им и жаловались начальству, что он отбивает у них учеников. Он сформировал училищную библиотеку, руководил чтением юнкеров и пользовался среди них большой популярностью – как за преподавание, так и за безусловную справедливость».

Система поблажки любимчикам находилась у него в полном отсутствии. Он был вполне беспристрастен и зачастую ставил единицу и нуль самым любимым юнкерам.

Часто посещавшему его и довольно близко к нему стоявшему юнкеру К. пришлось остаться на второй год за неудачу экзамена именно по истории и географии. Сам Пржевальский настоял на этом. Ни слезы матери, ни уверения К., что он будет учиться, ни просьбы за него товарищей и начальников не могли поколебать справедливого решения Пржевальского.

На все докучливые моления он отвечал нам: „Не буду ли я вам, юноши, смешон и жалок после такой уступки? Где же справедливость? Переправив К. двойку на тройку, во имя той же справедливости необходимо сделать это и для А., для Р. И других. Вспомните прекрасные слова: я знаю один народ – человечество, один закон – справедливость“»¹⁷.

Говорят, что человек часто делает своей целью, своим призванием то, чего сам бы хотел от окружающих, но так и не смог получить. Возможно, именно глубоко спрятанная тоска по родительской любви (отец умер рано и перед смертью долго болел; мать, несомненно, любила его, но все его детство была занята младшими детьми и хозяйством – вряд ли у нее оставалось время для того, чтобы приласкать своего первенца, да и не в ее это было характере) сделала Николая Пржевальского «отцом родным» для своих воспитанников.

Юнкера нередко собирались у него на квартире, состоявшей из трех комнат с очень простым убранством: несколько боковых стульев, простой стол, кровать, ружья и полка с книгами,

¹⁷ Энгельгардт М. А. Указ. соч. С. 17.

на которые он тратил большую часть свободных денег. Он был очень радушным и хлебосольным хозяином, любил поесть и накормить гостей до отвала. Водки не пил и пьянство ненавидел, но был большим охотником до шипучих вод – яблочных, грушевых и так далее, которые держал целыми бочонками. Любил также сладости – «услადы», как он выражался – и закуски. За чаем вместе с хлебом, вареньем, конфетами подавались у него колбасы, сыр, сардинки, яблоки, фиги, финики, а вместо ужина – сельди, семга и лососина.

Ел он много и быстро; копать и смаковать кушанья по энергическому характеру своему не любил и часто удивлял гостей своих аппетитом.

«Николаю Михайловичу подали большую миску супа. По размерам посуды я думал, что он, вероятно, ожидает кого-нибудь из гостей; но каково было мое удивление, когда между разговорами он уничтожил все содержимое миски, затем налил полстакана красного вина, залпом выпил его, потом стакан сельтерской воды и приказал подать второе блюдо, которое заключалось в подобной же миске, но меньших размеров. В этой миске находилось три куса бифштекса, которые были уничтожены один за другим; при этом повторилось запивание их красным вином пополам с сельтерской водой».

«Мы никогда не стесняли его и не мешали ему, да он и не принадлежал к числу таких лиц, которые церемонятся. Чутьем мы знали, когда он намеревался заниматься: тогда никто из нас не дерзал войти в ту комнату, где он сидел. В таких случаях брали мы с заветных полок книги и просиживали целые вечера за чтением. Случались и такие дни, когда мы уходили, не видав его, пробыв в его квартире 6–7 часов. Заикин (слуга Пржевальского) в такие вечера, подавая чай и всевозможные закуски, грозил нам пальцем и говорил непрерывно шепотом: „Тише, тише, господа юнкarya, Николай Михайлович не уважают шуму, когда в книжку читают“. Затем он наливал чай, клал на тарелку яства и на цыпочках входил безмолвно к своему господину.

За время пребывания в Варшаве Пржевальский составил учебник географии, по отзывам сведущих в этом деле людей, представляющий большие достоинства, и много занимался историей, зоологией и ботаникой. Среднерусскую флору он изучил очень основательно: составил гербарий из растений Смоленской, Радомской и Варшавской губерний, посещал зоологический музей и ботанический сад, пользовался указаниями известного орнитолога Тачановского и ботаника Александровича. Мечтая о путешествии в Азию, он тщательно изучил географию этой части света. Гумбольдт и Риттер были его настольными книгами.

Погруженный в занятия, он редко ходил в гости, да и по характеру своему не любил балов, вечеринок и прочего. Вообще, это была замечательно цельная натура. Человек дела, он ненавидел суету и толчею; человек непосредственный и искренний, он питал какую-то органическую ненависть ко всему, что отдавало условностью, искусственностью и фальшью, хотя бы самой невинной. Это отражалось на его вкусах и привычках. Общественная жизнь с ее сложным кодексом условных правил отталкивала его, театра он не выносил, беллетристику недолюбливал. Ему нравилось только безыскусственное, неподкрашенное, простое, как сама природа.

Любимое развлечение его – охота – в окрестностях Варшавы оказалось почти недоступным вследствие смутного времени; однажды, охотясь в штатском платье, он был арестован и просидел в части, пока полиция не убедилась в его благонадежности.

Изредка навещал он своих сослуживцев, с которыми играл в карты, преимущественно в азартные игры, причем „собирал с товарищей иногда почтенную дань, которая совместно с деньгами, вырученными за издание учебника географии, послужила основанием скромного фонда при поездке в Сибирь“.

Кроме юнкеров, с которыми, как мы видели, возился он очень заботливо, собирались иногда у него товарищи, офицеры генерального штаба и юнкерского училища, студенты университета и другие. В таких случаях засиживались иногда до поздней ночи, коротая время в разговорах, предметом которых были естественные науки или история.

Образ жизни он вел довольно правильный: вставал в 6 часов и занимался до 8, затем отправлялся в училище, около 12 часов уходил и, позавтракав где-нибудь в городе, шел в зоологический музей или ботанический сад; к трем часам возвращался в училище и занимался служебными делами. Вечера по большей части проводил дома и в 9 часов ложился спать, если не было гостей»¹⁸.

Популярность Пржевальского у юнкеров была столь велика, что другие преподаватели жаловались начальству, что он отбирает у них учеников. Бесплезно, конечно. Только представьте себе этого молодого учителя, который, в придачу ко всему вышеописанному, любит Байрона и Лермонтова, а поэму «Демон» может рассказать наизусть!

Сложился у Пржевальского и узкий круг товарищей, офицеров Генштаба, которые тоже собирались у него и были единственными, кому он сам наносил визиты. В их числе были начальник юнкерского училища Акимов, офицеры Лауниц, Энгель, Фатеев, Желтухин, консерватор зоологического музея Тачановский (научивший его препарировать и помогавший впоследствии с определением видов птиц) и еще несколько человек. Это был совсем другой круг – круг образованных и неравнодушных людей, заложивший научный фундамент его будущих путешествий.

Как мы видим, детство и юность Пржевальского прошли почти исключительно в мужском окружении. Однако юность – время романтических увлечений. Мог ли Пржевальский избежать их совсем?

Его друг по Варшавскому юнкерскому училищу И. Л. Фатеев вспоминал: «Не любя переудов о достоинствах и недостатках как знакомых, так и общественных деятелей, он говорил, что женщины исключительно занимаются этим. Называл их вообще фантазерками и судашицами, он мало ценил их суждения, относился к ним с недоверием и бежал от их общества, часто назойливого и для него крайне неприятного»¹⁹.

Однако среди фотографий, которые хранились у Пржевальского, имеется портрет Таси Нуромской – практически единственный женский портрет в его бумагах, не считая родственниц. Чернбровая, статная, с четкими крупными чертами лица, с густыми волосами, уложенными в строгую прическу, Тася училась в Смоленске, где и познакомилась с Пржевальским. Он был старше, но они сдружились. Николай Михайлович стал посещать имение ее родителей. По семейному преданию, в последнюю встречу с Николаем Михайловичем, перед его отъездом в экспедицию, Тася отрезала свою косу и подарила ему на прощанье. Она объявила сестрам, что коса ее будет путешествовать с Николаем Михайловичем до их свадьбы... Но свадьба не состоялась. Пока Пржевальский был в экспедиции, Тася умерла – неожиданно, от солнечного удара во время купания...

Возможно ли, что отзвуки этой трагедии Пржевальский пронес через долгие годы? Трудно представить такое – даже если его отношение к симпатичной девушке было более глубоким, чем обычная дружба, оно оставалось на периферии его жизни. Этот человек был не просто цельным – он был монолитен, и возможно именно это полное, всепоглощающее посвящение себя великой цели, масштаб которого мы сейчас с трудом можем вообразить, и позволило ему достичь таких невероятных результатов.

¹⁸ Энгельгардт М. А. Указ. соч. С. 18–20.

¹⁹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 14.

Глава третья

Путешествие в Уссурийский край

Перевод в Восточно-Сибирский округ. – Приезд в Иркутск и подготовка экспедиции. – Влюбленный немец. – История открытия Уссурийского края. – Пароходное путешествие. – Первые впечатления. – Албазин. – Пророческие слова о Хабаровке. – Жадность торговцев, нищета и местные нравы. – По Шилке. – Невероятные истории о рыбном богатстве. – Цветущие лотосы на Сунгаче. – Прибытие на озеро Ханка.

Наконец благодаря содействию некоторых важных лиц Пржевальскому удалось добиться причисления к Генеральному штабу и перевода в Восточно-Сибирский округ. Приказ о новом назначении был подписан 17 ноября 1866 года. В январе следующего года он выехал из Варшавы. С ним отправился немец-препаратор Роберт Кехер; они условились делить пополам лекции, которые соберут в путешествии.

Проездом через Петербург Пржевальский впервые лично познакомился с П. П. Семеновым-Тян-Шанским, тогда уже известным путешественником, председателем секции физической географии Русского географического общества. Будущий путешественник объяснил план своего путешествия в Центральную Азию и просил содействия РГО. Однако организовать такую дальнюю экспедицию под руководством молодого и практически неизвестного Пржевальского общество не решилось.

«В то время, – писал Семенов-Тян-Шанский, – Общество крайне редко помогало материальными средствами молодым путешественникам, отправлявшимся в путешествие по своей инициативе, может быть, потому, что такая инициатива проявлялась еще слишком редко; но от времени до времени оно снаряжало свои экспедиции, подбирая состав их исключительно из лиц, уже известных своими научными трудами и рекомендуемых организаторами экспедиций. Н. М. Пржевальский был в научном мире еще совершенно неизвестной величиной, и дать пособие ему на его предприятие, а тем более организовать под его руководством целую экспедицию Совет Общества не решился. В качестве председательствующего в отделении и в глубокой уверенности, что из талантливого молодого человека может выйти замечательный путешественник, я однако же старался ободрить Н. М. и теплым участием и рекомендательными письмами... При этом я обещал Н. М., что если он на собственные средства сделает какие бы то ни было интересные поездки и исследования в Уссурийском крае, которыми докажет свою способность к путешествиям, то, по возвращении из Сибири, он может надеяться на организацию со стороны Общества, под его руководством, более серьезной экспедиции в Среднюю Азию»²⁰.

В конце марта 1867 года с письмами к администрации и руководителям филиала Русского географического общества в Сибири Пржевальский прибыл в Иркутск, а в начале мая получил командировку в Уссурийский край. Сибирский отдел общества оказал ему содействие выдачей топографических и астрономических инструментов и небольшой суммы денег, что было очень кстати при скудных средствах путешественника. Помимо офицерского жалованья, Пржевальский располагал некоей суммой денег за прочитанные лекции, прогонными за двух лошадей и тысячей рублей, выигранной у товарищей в карты. В Иркутске он продолжает уси-

²⁰ Из речи П. П. Семенова-Тян-Шанского 9 ноября 1888 г. См.: Памяти Николая Михайловича Пржевальского. СПб., 1889. С. 7.

ленно готовиться к экспедиции. Все имеющиеся в городе книги, рукописи, заметки, касающиеся Уссурийского края, были им прочитаны. Перед отъездом он составил памятную книжку-справочник для предстоящего путешествия.

«В научном отношении, – пишет Пржевальский, – я был достаточно подготовлен по занимаемому меня предмету: хорошо знал ботанику, орнитологию и пр.; при этом имел с собой большой запас разных книг»²¹. Научное оборудование было простое и состояло из термометра, компаса и маршрутных карт. Не было с собой даже барометра, и Пржевальский определял впоследствии высоты гор по разнице температур у подножия и на вершине. Единственно, чего было вдоволь, – это дрови и пороху. Одной только дрови он имел с собой четыре пуда.

Одно омрачало настроение путешественника. Роберт Кехер, которого Пржевальский взял из Варшавы в качестве препаратора, отказался разделить планы товарища. И когда Пржевальский объявил, что едет на Амур, немец решительно заявил: «Нет, я и так далеко заехал, дальше не поеду!» Причиной такого упорства была некая Амалия, по которой Кехер все время тосковал, вызывая раздражение партнера. «Лишившись неожиданно спутника, – вспоминал Николай Михайлович, – я был этим огорчен, но тут случайно зашел ко мне из штаба Ягунов, только что поступивший в топографы. Мы разговорились. Ягунов настолько понравился мне, что я предложил ему ехать со мной на Уссури; тот согласился. Кроме того, с нами отправился Николаев».

Восторженное настроение, в котором находился молодой исследователь, отразилось в следующем письме: «Через 3 дня, то есть 26 мая, я еду на Амур, потом на реку Уссури, озеро Ханка и на берега Великого океана к границам Кореи. Вообще экспедиция великолепная. Я рад до безумия! Главное, что я один и могу свободно располагать своим временем, местопребыванием и занятиями. Да, мне выпала завидная доля и трудная обязанность – исследовать местности, в большей части которых еще не ступала нога европейца».

По сравнению с более поздними грандиозными по своему масштабу и результатам экспедициями Пржевальского его первое путешествие по Уссурийскому краю можно назвать «пробой пера», и биографы обычно не заостряют на нем внимание. Однако именно оно заложило основу и структуру всех его последующих экспедиций, поэтому в этой книге я остановлюсь на нем подробнее. Кроме того, нам представляется великолепная возможность посмотреть на Уссурийский край метким и неравнодушным взглядом нашего героя.

В первой главе описания своего четвертого путешествия в Центральную Азию Пржевальский писал: «Путешественнику-новичку необходимо сперва испробовать свои силы на небольшой и не особенно трудной экспедиции, какой для меня было путешествие в Уссурийском крае в 1867, 68 и 69 гг., дабы приобрести некоторую опытность и потом уже пускаться в более крупное предприятие»²².

Он не был первым путешественником по Уссурийскому краю, но он по праву может считаться первым исследователем, давшим всестороннее описание этой неизученной тогда обширной области.

Первым русским путешественником, поднявшимся в 1855 году вверх по Уссури на 130 км (до устья реки Хора), был К. И. Максимович. Первое же обстоятельное географическое исследование Уссури произвел М. И. Венюков в 1858 году. Поднявшись вверх по Уссури до устья реки Сунгачи, Венюков оставил в стороне бассейн озера Ханка и направился далее вверх по Уссури, затем по реке Лифудин и ее притокам – к гавани Владимира. Но обстоятельства не позволили Венюкову дойти до гавани, находящейся от него только в 35 км; он вынужден

²¹ Из письма И. Л. Фатееву.

²² Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. (?).

был вернуться. Путешествие Венюкова, продолжавшееся два месяца, было описано им в статье «Обозрение реки Уссури».

В 1859 году, по поручению Сибирского отдела Географического общества, долину Уссури исследовали ботаник Р. К. Маак и этнограф Брылкин. Они поднялись вверх по Уссури, далее по реке Сунгачи к посту на озере Ханка, который и был конечным пунктом экспедиции. Путешествие Маака и Брылкина продолжалось четыре месяца.

В 1860 году К. И. Максимович снова командирован Ботаническим садом в Уссурийский край. На этот раз он поднялся по Уссури до реки Фудзи, а затем перевалил через хребет, вышел к заливу Владимира, откуда на пароходе отправился в Посыет.

Геолог и ботаник Ф. Б. Шмидт, занимаясь изучением долины Амура и острова Сахалина, посетил в 1861 году Уссурийский край; он пересек его с юга на север от Владивостока до Хабаровска (вверх по Суйфуну к озеру Ханка, и далее вниз по Сунгаче к Уссури). Путешествие Шмидта в пределах Уссурийского края продолжалось около четырех месяцев.

В 1859–1863 годах в Уссурийском крае путешествовал капитан корпуса лесничих А. Ф. Будищев, давший в результате путешествия описание лесов Приморской области, напечатанное в 1867 г. в «Записках Сибирского отдела Географического общества».

В 1863–1864 годах Уссурийский край посетил горный инженер И. А. Лопатин, изучивший месторождения каменного угля на реке Суйфуне. В это же время горный инженер Н. П. Аносов посетил Сихотэ-Алинь и озеро Ханка. Из предшественников Пржевальского, изучавших с той или иной точки зрения Уссурийский край, достойны упоминания также натуралист Г. И. Радде, занимавшийся изучением млекопитающих и птиц Дальнего Востока, и штабс-капитан Г. П. Гельмерсен, пополнивший своими съемками картографические материалы по Уссурийскому краю и собравший ценные географические сведения.

«Дорог и памятен для каждого человека тот день, в который осуществляются его заветные стремления, когда после долгих препятствий он видит, наконец, достижение цели, давно желанной. Таким незабвенным днем было для меня 26 мая 1867 года, когда, получив служебную командировку в Уссурийский край и наскоро запасшись всем необходимым для предстоящего путешествия, я выехал из Иркутска по дороге, ведущей к озеру Байкалу и далее через все Забайкалье к Амуру»²³ – такими словами начинает Пржевальский книгу о своем первом путешествии, которую, как и всю свою экспедицию, великий путешественник посвятил своей горячо любимой матери.

На Байкале в это время уже существовало пароходное сообщение: «Летнее сообщение через Байкал производилось в то время двумя частными купеческими пароходами, которые возили пассажиров и грузы товаров (оба эти парохода погибли осенью 1869 года). Пристанями для всех пароходов служили: на западном берегу озера селение Лиственничное, лежащее у истока р. Ангары, а на восточном – Посольское, расстояние между которыми около 90 верст».²⁴ Как подмечает Пржевальский, кроме водного сообщения через Байкал, вокруг южной оконечности озера существовало еще сухопутное почтовое, по Кругобайкальской дороге, устроенной за несколько лет до начала путешествия. Впрочем, летом по этой дороге почти никто не ездил, так как пароходное сообщение все находили более удобным.

«Миновав небольшое шестидесятиверстное расстояние между Иркутском и Байкалом, я вскоре увидел перед собой громадную водную гладь этого озера, обставленного высокими горами, на вершине которых еще виднелся, местами лежащий, снег». Переправившись через Байкал, путешественники дальше пустились в путь на «лихой тройке» и так преодолели почти тысячу верст забайкальской степи до селения Сретенское на р. Шилке, где начиналось паро-

²³ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870. С. 45

²⁴ Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870. Далее в этой главе цитируется данное сочинение, если не указано иное.

ходное сообщение с Амуром. Острый взгляд путешественника подмечал и рельеф местности, и виды цветущих растений, и встречавшихся по дороге людей, их привычки, одежду, предпочтения в еде.

«Местность на всем вышеозначенном протяжении носит вообще гористый характер, то дикий и угрюмый там, где горы покрыты дремучими, преимущественно хвойными лесами, то более смягченный там, где расстилаются безлесные степные пространства. Последние преобладают в восточной части Забайкалья по Ингоде, Аргуни и, наконец, по Шилке. В таких степных местностях, представляющих на каждом шагу превосходные пастбища, весьма обширно развито всякое скотоводство как у наших русских крестьян и казаков, так и у кочевых инородцев – бурят, известных в здешних местах под именем братских. Однако Забайкалье произвело на меня не совсем благоприятное впечатление. Суровый континентальный климат этой части Азии давал вполне знать о себе, и, несмотря на конец мая, по ночам бывало так холодно, что я едва мог согреться в полушубке, а на рассвете 30-го числа этого месяца (мая. – О. П.) даже появился небольшой мороз, и земля, по низменным местам, покрылась инеем. Растительная жизнь также еще мало была развита: деревья и кустарники не вполне развернули свои листья, а трава на песчаной и частью глинистой почве степей едва поднималась на вершок [4,4 см] и почти вовсе не прикрывала грязносерого грунта. С большей отрадой останавливался взор только на плодородных долинах рек Селенги, Уды, Кыргылея и др., которые уже были покрыты яркой зеленью и пестрым ковром весенних цветов, преимущественно лютика и синего касатика. Даже птиц по дороге встречалось сравнительно немного, так как время весеннего пролета уже прошло, а оставшиеся по большей части сидели на яйцах. Только кой-где важно расхаживал одинокий журавль или бегали небольшие стада дроф, а на озерах плавали утки различных пород. Иногда раздавался звонкий голос лебедя-кликуна, между тем как знакомый европейский певец жаворонок заливался в вышине своей звонкой трелью и сильно оживлял ею безмолвные степи.

С перевалом за Яблонный хребет, главный кряж которого проходит недалеко от областного города Читы и имеет здесь до 4000 футов (1220 м. – О. П.) абсолютной высоты, характер местности несколько изменился: она сделалась более открытой, степной. Вместе с тем и сам климат стал как будто теплее, так что на живописных берегах Ингоды уже были в полном цвету боярка, шиповник, черемуха, яблоня, а по лугам красовались касатик, лютик, лапчатка, одуванчик, первоцвет и другие весенние цветы. . .»

Просто удивительно, с какой ласковой поэтичностью и одновременно научной точностью этот могучий человек описывает природу края!

Ну и конечно, страстный охотник Пржевальский никак не мог не пройти мимо повадок местных животных и особенностей охоты на них: «Из животного царства характерным явлением этой степной части Забайкалья служат байбаки, или, по-местному, тарабаганы (*Arctomys bobac*), небольшие зверьки из отряда грызунов, живущие в норках, устраиваемых под землей. Впрочем, большую часть дня, в особенности утро и вечер, эти зверьки проводят на поверхности земли, добывая себе пищу или просто греясь на солнце возле своих нор, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. Застигнутый врасплох, тарабаган пускается бежать, что есть духу, к своей норе и останавливается только у ее отверстия, где уже считает себя вполне безопасным. Если предмет, возбудивший его страх, например, человек или собака, находится еще не слишком близко, то, будучи крайне любопытен, этот зверек обыкновенно не прячется в нору, но с удивлением рассматривает своего неприятеля.

Часто он становится при этом на задние лапы и подпускает к себе человека шагов на сто, так что убить его в подобном положении пулей из штуцера для хорошего стрелка довольно легко. Однако, будучи даже смертельно ранен, тарабаган все еще успеет заползти в свою нору, откуда уже его нельзя иначе достать, как откапывая. Мне самому во время проезда случилось

убить несколько тарабаганов, но я не взял ни одного из них, так как не имел ни времени, ни охоты заняться откапыванием норы».

Милые сердцу путешественника охотничьи обычаи тем не менее не заслоняли основной цели. Прибыв в Сретенское, Пржевальский с той же прилежностью описывает особенности амурского судоходства:

«Нужно заметить, что Сретенск есть крайний пункт, откуда отправляются пароходы, плавающие по Амуру. Выше этого места они могут подниматься не более как верст на сто до г. Нерчинска и то лишь при большой воде. В тех видах, что Сретенск есть крайний пункт амурского пароходства, здесь устроена гавань для починки и зимовки пароходов. Впрочем, большая часть этих пароходов зимует в г. Николаевске, а в Сретенске остается не более двух или трех. Вообще все водное сообщение по Амуру производится в настоящее время 12 казенными (в том числе два парохода ходят собственно по реке Уссури и озеру Ханка) и 5 частными пароходами; кроме того, здесь есть еще 4 парохода телеграфного и 3 инженерного ведомства, так что всего 24 паровых судна».

Пароходное сообщение было нерегулярным, так как Шилка в этом месте быстра, камениста, но мелка, и пароходам случалось получать пробоину. Это и случилось с судном, на котором отбыл путешественник. Понимая, что ремонт может затянуться, Пржевальский нанял лодку и вместе со спутниками отправился вниз по реке самостоятельно.

«Вскоре мы прибыли в казачью станицу Горбицу, откуда до слияния Шилки с Аргунью тянется на протяжении двухсот верст пустынное, ненаселенное место. Для поддержания почтового сообщения здесь расположено только семь одиноких почтовых домиков, известных по всему Амуру и Забайкалью под метким именем „семи смертных грехов“. Действительно, эти станции вполне заслуживают такого названия по тем всевозможным неприятностям, которые встречает здесь зимой каждый проезжающий как относительно помещения, так и относительно почтовых лошадей, содержимых крайне небрежно и едва способных волочить свои собственные ноги, а не возить путников.

На всем вышеозначенном двухсотверстном протяжении берега Шилки носят дикий, мрачный характер. Сжатая в одно русло шириной 70—100 сажен (140—200 м. – О. П.), эта река быстро стремится между горами, которые часто вдвигаются в нее голыми, отвесными утесами и только изредка образуют неширокие пади и долины.

Сами горы покрыты хвойными лесами, состоящими из сосны и лиственницы, а в иных местах, в особенности на так называемых россыпях, т. е. рассыпавшихся от выветривания горных породах, совершенно обнажены.

Хотя животная жизнь в здешних горных лесах весьма обильна и в них водится множество различных зверей: медведей, сохатых, изюбров, белок, кабарги и отчасти соболей, но все-таки эти леса, как вообще все сибирские тайги, характеризуются своей могильной тишиной и производят на непривычного человека мрачное, подавляющее впечатление.

Даже певчую птицу в них можно услышать только изредка: она как будто боится петь в этой глуши.

Остановишься, бывало, в таком лесу, прислушаешься, и ни малейший звук не нарушает тишины. Разве только изредка стукнет дятел или прожужжит насекомое и улетит бог знает куда. Столетние деревья угрюмо смотрят кругом, густое мелколесье и гниющие пни затрудняют путь на каждом шагу и дают живо чувствовать, что находишься в лесах девственных, до которых еще не коснулась рука человека...

Несколько оживленнее были только горные пади, где показывался лиственный лес, и редкие, неширокие луга по берегам Шилки там, где горы отходили в сторону на небольшое расстояние. Травянистая флора таких местностей была весьма разнообразна и являлась в полной весенней свежести и красоте.

Замечательно, что, несмотря на половину июня, по берегам Шилки иногда еще попадался лед, пластами сажен в семьдесят (150 метров. – О. П.) длиной при толщине более двух футов (60 см. – О. П.). Гребцы-казаки говорили мне, что тут можно встретить лед до начала июля, и это служит весьма красноречивой рекомендацией суровости здешнего климата.

Во время плавания по реке нам везде попадались различные птицы: кулики, утки, чомги, цапли, черные аисты, и как страстный охотник я не мог утерпеть, чтобы не выстрелить в ту или другую из них.

Обыкновенно я помещался на носу лодки и постоянно посылал приветствия всем встречающимся тварям то из ружья, то из штуцера, смотря по расстоянию».

Этот отрывок из дневников Пржевальского настолько ярко описывает происходящее, что из него одного можно уже представить, как происходили и первое, и все последующие путешествия: этим человеком владела неутолимая, мальчишеская страсть и она же увлекала за ним других, невзирая на все тяготы и неизбежный ропот.

«Благодаря быстрому течению Шилки мы успевали, несмотря на частые остановки, проезжать верст по сто в сутки и 14 июня прибыли к тому месту, где эта река, сливаясь с Аргунью, дает начало великому Амуру. Последний имеет здесь не более полутора сажен (320 м. – О. П.) ширины и, почти не изменяя характера берегов Шилки, прорывается через северную часть Хинганского хребта, который, как известно, отделяет собой Маньчжурию от Монголии²⁵. Как здесь, так и несколько далее река имеет общее направление к востоку до Албазина, – казачьей станицы, выстроенной на месте бывшего городка, знаменитого геройской защитой в конце XVII столетия горсти наших казаков против многочисленного китайского войска, их осаждавшего. В самой станице до сих пор еще видны остатки валов прежнего укрепления, а на острове противоположного берега реки сохранились следы китайской батареи».

Здесь нужно немного отступить от описания путешествия и привести несколько фактов. Албазин – первое русское поселение на Амуре. Отсчет жизни первой русской «столицы Приамурья» начинается еще в XVII веке. В 1650 году первопроходец Ерофей Хабаров заложил укрепление в расположении даурского поселения князя Албазы, где русские казаки пережили зиму.

Опорный пункт русских казаков на Амуре рос и развивался, не давая покоя цинскому Китаю. На Албазин начались набеги маньчжуров. В 1685 году маньчжурской армии, вооруженной артиллерией, удалось разрушить деревянные укрепления острога и добиться ухода албазинцев в Нерчинск. Но в том же году русские казаки вернулись и восстановили крепость, насыпав земляные стены, которым уже не страшны были цинские ядра. С нового похода маньчжуров в 1686 году началось так называемое Албазинское сидение. Сначала цинская армия упорно штурмовала крепость, потом началась блокада, которая продлилась три года. Албазинцы не отступали, несмотря на неравные силы, голод, цингу и потери в боях. Казаки ушли лишь в 1689-м, после подписания Нерчинского договора и согласия России на уничтожение острога.

С Албазином связан и первый православный монастырь на Амуре – Спасский, сожженный во время штурма острога маньчжурами в 1685 году. И именно в Албазин иеромонах Гермоген принес чудотворную Албазинскую икону Божией Матери «Слово плоть бысть» – ныне главную святыню Амурской области, чествование которой установлено Русской православной церковью 9 (22) марта.

Прибыв в Албазин, Пржевальский совершенно неожиданно застал частный пароход, шедший к Амуре, и сел на него. Сразу за поворотом течение реки изменилось – теперь Амур разливался на широкие рукава, образуя острова и старицы. Менялся и характер растительности – хвойные леса постепенно уступали место широколиственным и начали встречаться в

²⁵ Пржевальский делает эту запись, основываясь на авторитете исследователей Гумбольдта и Риттера. Однако уже в те времена неточность была исправлена, и этот хребет стал известен под принятым сегодня названием Дуссе-Алинь.

причудливом смешении растения, которые в глазах жителя Центральной России выглядели южными и даже субтропическими. Путешественник отмечал, что местные казаки живут относительно хорошо и в мире с инородцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.